

**Санкт-Петербургский государственный университет
Исторический факультет
Кафедра истории древней Греции и Рима
Центр антиковедения**

МНЕМОН

**Исследования и публикации по истории
античного мира
Под редакцией профессора Э.Д. Фролова**

Выпуск 6

**Санкт-Петербург
2007**

В.В. Селиванов
Вяч.И. Иванов и Н.Я. Марр в жизни и
творческой судьбе К.М. Колобовой
(часть II)¹

Завершение К.М.Колобовой полного курса обучения в Азербайджанском государственном университете в июне 1926 года было уже в отсутствие В.И.Иванова, который вместе с дочерью и сыном 28 августа 1924 года, в день Блаженного Августина, покинул Москву и направился в Италию, в Рим, в свою итальянскую командировку, из которой он уже не вернулся. В выданном Ксении Михайловне Дипломе № 41 значилось, что «в бытность свою студенткой Историко-Филологического Факультета Азербайджанского Государственного Университета имени В.И.Ленина в 1920-1926 г.г. по Словесному Отделению» она выдержала все испытания на отлично: пройденные предметы перечисляются. «Посему, на основании статьи 29-й Устава Азербайджанского Государственного Университета им. В.И.Ленина, Ксения Михайловна Колобова удостоена Историко-Филологическим Факультетом диплома первой степени, в удостоверение чего и дан сей диплом К.М.Колобовой, за надлежащими подписями и с приложением печати Азербайджанского Государственного Университета имени В.И.Ленина». И ниже стоит дата: Гор. Баку, «19» июня 1927 года. А ещё ниже - подписи: за декана Историко-Филологического Факультета, профессор А.Багрий. Секретарь Историко-Филологического Факультета, профессор А.Маковельский. Делопроизводитель Историко-Филологического факультета Е.Щелокова. Диплом был оформлен на русском и тюркском языках. Окончательной датой завершения учебы в Азербайджанском государственном университете становится дата подписания Диплома – 19 июня 1927 года.

¹ Начало статьи см.: Селиванов В.В. В.И. Иванов и Н.Я. Марр в жизни и творческой судьбе К.М. Колобовой (Часть I) // МНЕМОН: Исследования и публикации по истории античного мира. Вып.5. СПб., 2006. С. 465-488.

На пути к аспирантуре ГАИМК

Судя по всему, в Баку имя Николая Яковлевича Марра было уже достаточно известно в 20-е годы, притом не только из-за его задиристых и ярких статей, его неожиданных наблюдений и мыслей. Не в меньшей мере они были интересны Бакинской профессуре потому, что родиной Н.Я.Марра была Гурия, Кавказ и многие его работы, особенно раннего периода, были обращены к языкам и культурам народов Кавказского региона. Студенты университета, особенно на занятиях по общему языкознанию у профессора В.Б.Томашевского, не могли не задавать вопросы, надеясь на разъяснения относительно новых идей в языкознании, связанных с именем Н.Я.Марра, а также относительно содержания тех проблем, которые были связаны с новыми науками о языке – яфетидологии, лингвистической палеонтологии и др., появившимися на основе работ Н.Я.

Принципиально значимой статьей Н.Я.Марра, имевшей принципиальное значение для разъяснения позиций и основных идей академика, была опубликованная ещё в 1920 году большая работа (на четыре печатных листа) «Яфетический Кавказ и третий этнический элемент в созидании средиземноморской культуры»². Именно эпизод с изучением этой работы двумя крупными филологами Бакинского университета – профессорами В.И.Ивановым и В.Б.Томашевским – стал одним из сюжетов в дневниковых записях М.С.Альтмана, заглянувшего в этот день к В.И.Иванову, как это часто бывало, для традиционных бесед.

По этому поводу М.С.Альтман вспоминает: «Впервые имя Н.Я. я услышал в Баку в 1923 г., когда, придя однажды к В.И.Иванову (тогда профессору по кафедре классической филологии в Азербайджанском Государственном университете), я застал профессора В.Б.Томашевского (профессора по кафедре языкознания там же, впоследствии ректора Ленинградского университета) за чтением “Яфетического Кавказа и третьего этнического элемента”. Чтение продолжалось и при мне. Я слушал совершенно ошеломленный, переживая полное недоумение, как следует относиться к только что прочитанному»³.

² См.: Марр Н.Я. Яфетический Кавказ и третий этнический элемент в созидании средиземноморской культуры // Материалы по яфетическому языкознанию, т. XI. Лейпциг, 1920.

³ Альтман М.С. На подступах к яфетидологии. Отрывки из воспоминаний // Проблемы истории докапиталистических обществ, 1935, № 3-4, с. 175.

Вслед за изучением «Яфетического Кавказа...» бакинские филологи могли обратиться и к более поздним работам – «Первый средиземноморский дом и его яфетические названия, у греков *megaron* и римлян *atrium*» (1924)⁴, «Индоевропейские языки Средиземноморья» (1924)⁵, «Об яфетической теории» (1924)⁶, а также и ко многим другим работам, с разных сторон разбиравшим отдельные проблемы новой языковедческой науки, которая получила название *яфетидологии*, т.е. науки о происхождении, разветвлении, взаимном влиянии и взаимодействии языков в их первоначальном (глоттогенном) – историческом – становлении и развитии.

И на В.Б.Томашевского и, вероятно, на В.И.Иванова и – как это можно понять из его воспоминаний – и на М.С.Альтмана работы Н.Я.Марра произвели достаточно сильное впечатление. Если В.И.Иванов уехал в 1924 году в Италию и там окунулся в иные проблемы, то В.Б.Томашевский и М.С.Альтман в этом же году, но в разное время, внезапно появились в Ленинграде. М.С.Альтман рассказывает: «В 1924 г., по окончании филологического факультета (Азербайджанского государственного университета – В.С.) я был командирован Азербайджанским Университетом и Наркомпросом для дальнейшей специализации в Ленинградский “Исследовательский Институт по изучению литератур и языков Запада и Востока” (ИЛЯЗВ)»⁷. Далее он сообщает, что именно встреча и беседа с Николаем Яковлевичем, который был официально председателем восточной секции этого учреждения, привела М.С.Альтмана в ряды яфетидологов. По рекомендации Н.Я. он прослушал курс лингвистической палеонтологии и стал посещать заседания Яфетического института. Вскоре в Ленинграде появился и профессор В.Б.Томашевский. М.С.Альтман пишет, что всего через полгода после известного эпизода с чтением работы Н.Я. он встретил «В.Б.Томашевского уже в Ленинграде, на утреннем семинаре по лингвистической палеонтологии у Н.Я., где он, уже дипломированный и зрелый ученый, сидел с нами, молодыми на-

⁴ Марр Н.Я. Первый средиземноморский дом и его яфетические названия, у греков *megaron* и римлян *atrium*. // Известия Академии наук СССР, 1924.

⁵ Марр Н.Я. Индоевропейские языки Средиземноморья // Доклады Академии наук, 1924.

⁶ Марр Н.Я. Об яфетической теории. // Новый Восток, 1924, кн. 5.

⁷ Альтман М.С., ук. соч., с. 176

чинающими аспирантами на школьной скамье и жадно ловил слова Н.Я.»⁸.

Вероятно, уже в 20-е годы Н.Я.Марр имел связи с Баку, где – как, вероятно, он уже знал – проявляли большой интерес к его новым идеям. Судя по всему, М.С.Альтман покинул Баку ещё до того, как акад. Н.Я.Марр по приглашению «Общества обследования и изучения Азербайджана» приехал в 1924 году в Баку и выступил в Азербайджанском государственном университете с циклом лекций по проблемам *нового учения о языке*. Можно предполагать, что проф.В.Б.Томашевский знал об этом приглашении и присутствовал на этих лекциях. Вероятно, с этой встречи с Н.Я.Марром и началось их, к сожалению, недолгое сотрудничество, оборвавшееся внезапной смертью Всеволода Брониславовича Томашевского в 1927 году. Можно предполагать, что и К.М., в то время – ещё студентка Азербайджанского государственного университета – также присутствовала на выступлениях Н.Я.Марра; возможно, именно эта встреча впервые и пробудила желание после окончания университета поехать в Ленинград с целью поступить в аспирантуру ГАИМК⁹, чтобы посвятить себя проблемам, постепенно открывавшимся перед ней благодаря работам Н.Я.Марра и его выступлениям перед бакинскими студентами.

Влияние Н.Я.Марра среди лингвистов, этнографов, археологов, историков и востоковедов в 20-е годы всё более расширялось. Его идеи о многослойной семантике в языковом материале,

⁸ Там же, с.175-176.

⁹ В личной библиотеке К.М. мы находим работы Н.Я.Марра как раннего, так и более позднего периода: возможно, что ещё в Баку была приобретена брошюра Н.Я.Марра «Труды Комиссии по изучению племенного состава населения России: Кавказские племенные названия и местные параллели» (Петроград, изд. Российской Академии наук, 1922); другая работа могла быть приобретена как в Баку, так уже и в Ленинграде, в процессе подготовки к экзаменам в аспирантуру ГАИМК: Марр Н.Я. Значение и роль изучения меньшинства в краеведении. // Краеведение: периодический Орган Центрального Бюро Краеведения, 1927, № 1 (Лекция, прочитанная на краткосрочных курсах музееведения в Москве, переработанная из доклада, прочитанного в дни Конференции Археологов СССР в Керчи керченскому пролетариату) и др. Но не следует исключать и тот вариант, что К.М. моглазнакомиться с работами Н.Я. в Баку и в читальном зале Азербайджанского университета, а также – по экземплярам работ, приобретенным её сокурсниками.

о сохранении часто разрозненной и разновременной информации в ячейках языка и архаической памяти народа о прошлой культуре, её историческом развитии и судьбах воспринимались в те годы как открытие. Эти идеи сочетались не только с изучением и сравнительным анализом языков различных семейств и групп, но и с конкретным изучением памятников материальной культуры и связанных с ними текстов, первоначально, на древнеармянском и древнегрузинском языках. В 20-е годы Н. Я. Марр значительно расширяет свои исследования в области индоевропейской языковой семьи и помимо армянского и славянских языков обращается к древнегреческому языку и латыни, а также к современным уделять языкам тюркской семьи, в состав которых входил и азербайджанский язык, относящийся к огузской группе тюркских языков (с арабским письмом).

Если в ранних работах Н.Я.Марра был очевиден фактологический подход к изучаемому материалу и преобладал сравнительно-исторический анализ как метод изучения письменных источников, то в более поздних работах всё чаще Н.Я. стал отдавать предпочтение структурно-факторному и структурно-функциональному анализу, разбивая языковые конструкции на отдельные части и элементы и отыскивая подобие в языках родственных или даже далеких друг от друга семейств. В работах Н.Я. может просматриваться в области методики и технологии исследования даже элементы семиотического подхода с характерными приемами расчленения «текста» на отдельные компоненты на знаки-символы¹⁰ в качестве относительно самостоятельных носителей информации. От новых подходов и творческих идей Н.Я.Марра веяло новизной и нетривиальностью. В них виделись новые цели и задачи для лингвистических исследований, расширявшие как содержание, так и значимость языковедческих наук. Притягательная сила новых идей Н.Я.Марра заключалась, прежде всего, в новизне открывавшихся исследовательских перспектив и обновлении связей со смежными науками, которые, по мысли Н.Я., способны были дополнять и обогащать лингвистические догадки и наблюдения.

На этом фоне не может быть неожиданным и то решение, которое, вероятно, окончательно вызрело у К.М. к концу 1926 года, в

¹⁰ Знак-символ в данном случае можно определить как носитель наиболее отвлеченной (абстрактной) или наиболее сложной (суммированной) информации, часто обладающий относительной автономией в структуре текста.

период завершения ею учебы в Азербайджанском государственном университете. Сокурсник К.М. по Азербайджанскому (Бакинскому) университету В.А. Мануйлов в своих мемуарах вспоминает о встрече с приехавшим в Баку известным уже тогда поэтом Н.С. Тихоновым. Среди тех, кто входил в Бакинский литературный кружок и с кем Виктор Андроникович Мануйлов спешит познакомиться известного ленинградского поэта, была и К.М. Колобова. Заканчивая в своих мемуарах рассказ о состоявшейся встрече на квартире у К.М. с Н.С. Тихоновым и проведённом вечере с чтением стихов, В.А. Мануйлов пишет: «У Ксении Михайловны мы задержались до полуночи, а затем я проводил Николая Семеновича на улицу Карганова к Ивану Васильевичу Мочульскому. По дороге Тихонов расспрашивал о Ксении. Я сказал, что она, как и я, собирается по окончании университета в будущем году перебраться в Ленинград, хочет заниматься языкознанием у Н.Я. Марра»¹¹. Этот разговор состоялся 28 сентября 1926 года, т.е. когда Вячеслав Иванович уже покинул Баку и вот уже два года жил в Риме.

Годы, начиная с 1924-го, можно считать особенно творчески-активными для Н.Я. Марра не только в силу значительного количества его выступлений и лекций, поездок и командировок, что расширяло и увеличивало не только лично его популярность и известность, но не в меньшей мере и популярность ГАИМК², известность его сотрудников как крупных и высокоавторитетных ученых. Новым в трудах Н.Я. Марра (а также и его последователей) в 20-е, особенно начиная с 1924 года, т.е. как раз в то время, когда К.М. активно начала знакомиться с его работами, было всё более заметное «включение» в тексты своих исследований ссылки на труды прежде всего Ф.Энгельса, а затем и К.Маркса. Конечно, здесь, с одной стороны, сыграла особую роль сама эпоха, когда марксизм стал официально рассматриваться как идеологическая основа государственного строительства, но, с другой стороны, работы К.Маркса и Ф.Энгельса объективно представляли собой одно из самых методологически выверенных и последовательно материалистических учений, оказавших достаточно сильное влияние на развитие философско-методологических и историко-теоретических позиций и взглядов в XIX и XX вв. не только в России, но и во всём мире. И что бы ни писали в конце XX века различные отечественные журналисты и всякие другие деятели о К.Марксе

¹¹ Мануйлов В.А. Записки счастливого человека. М., 1999, с.156.

и марксизме, но каждый серьёзный учёный и философ не будет отрицать тот факт, что именно классическая немецкая философия от И.Канта до К.Маркса создала в философии и науке не только в России, но и у представителей многих стран Европы, Азии, Африки и двух Американских континентов теоретико-методологические условия для *глубоких историко-философских исследований в области духовной жизни и социальной эволюции, сдвигов и перемен в исторической повседневности* стран и народов по всему миру.

Отмечая этот поворот в работах Н.Я. и его последователей, акад. И.И.Мещанинов в статье, посвященной памяти Н.Я.Марра, справедливо назвал 1924 год переломным в развитии яфетидологии, «когда лингвистическая концепция Н.Я.Марра резко повернула на путь коренной перестройки, обращаясь в материалистическое языкознание»¹². Эту оценку ситуации в перспективах развития языковедческой концепции Н.Я.Марра не следует расценивать исключительно как результат идеологического давления и особой идеологической атмосферы тех дней. В этот период многие ученые совершенно сознательно, а не из конъюнктурных соображений потянулись к марксизму, не вульгаризированному, а философски полноценному, ощущая убедительность и силу его аргументов и теоретико-методологических построений.

Думаю, что только *побочным эффектом* возрастающего интереса к марксизму следует считать усиление определенной *легитимности* «нового учения о языке» Н.Я.Марра, что, конечно, укрепляло его позиции в обществе и научной среде.

В докладе «Чуваши-яфетиды на Волге», прочитанном им в Чебоксарах в республике Чувашии 30 июня 1925 года¹³, Н.Я. говорил, как и на самом деле он понимал и думал: «Яфетическое языкознание с самого начала было связано с изучением материальной культуры, исторической и бытовой, т.е. с исторической археологиею и этнологиею, но, раскрыв настежь двери неожиданно для себя в доисторию человеческой речи и, следовательно, и мышления, в обладании конкретными языковыми материалами, отло-

¹² Мещанинов И.И. Н.Я.Марр как лингвист // Проблемы истории докапиталистических обществ, 1935, № 3-4, с.20; об отношении Н.Я.Марра к марксизму дополнительно см.: Мегрелидзе К.Р. Н.Я.Марр и философия марксизма // Там же, с.70-89; Худяков М.Г. О некоторых трудах Н.Я.Марра в связи с трудами Ф.Энгельса. // Там же, с.105-120; и др.

¹³ Марр Н.Я. Чуваши-яфетиды на Волге. Чебоксары, Госиздат, 1926.

жениями эволюции культур различных эпох и различных стран, оно вплотную подошло к истории развития общественности, как фактора языкового творчества, и также неожиданно и без подготовки для себя оказалось утверждающим положения учения об историческом материализме, т.е. в методе скрестилось с марксистским учением»¹⁴

Именно в эти годы и В.Б.Томашевский и М.С.Альтман становятся последователями Н.Я.Марра: В.Б.Томашевский погружается в лингвистические исследования, связанные с изучением числительных, в то время как М.С.Альтман обращается к античности – мифологическим образам, материальному производству, семантике имен¹⁵. В 1927 году, когда К.М. ещё находилась в Баку, завершая учебу в университете и немного подрабатывая в Госиздате и на уроках истории и литературы в 33-ьей советской школе г.Баку, в Азербайджан вновь приехал акад. Н.Я.Март для чтения *общего курса учения о языке* на восточном факультете Азербайджанского государственного университета. Нетрудно предположить, что К.М. вновь стала на эти дни его слушательницей.

Свое выступление в университете Н.Я.Март начал словами приветствия в адрес преподавателей и студентов и словами скорби о внезапно ушедшем из жизни профессоре В.Б.Томашевском, его ученике и последователе. В несколько сбивчивой стенограмме выступает неприглаженная, естественная речь Н.Я.Марра, волнующегося и сбивающегося в произносимом им экспромтом, не приготовленном заранее тексте. «Приветствую и старших, и молодежь, – начал он своё выступление, поднявшись на кафедру, – приветствую Азербайджанский университет, признательный

¹⁴ Март Н.Я. Чуваши-яфетиды на Волге. // Март Н.Я. Избранные работы, т.5. Этно- и глоттогония Восточной Европы. Л., Государственное социально-экономическое издательство, 1935, с.328.

¹⁵ См.: Альтман М.С. 1) Клеобис и Битон // Проблемы истории докапиталистических обществ, 1935, № 1-2; 2) На подступах к яфетидологии (Отрывки из воспоминаний). // Проблемы истории докапиталистических обществ, 1935, № 3-4; 3) Техника виноделия в древней Греции. // Из истории материального производства античного мира. М.;Л.ОГИЗ, 1935 (Известия Государственной Академии истории материальной культуры им. Н.Я.Марра, вып.108) 4) Пережитки родового строя в собственных именах у Гомера. М.:Л., ОГИЗ, 1936 (Известия Государственной академии истории материальной культуры им.Н.Я.Марра, вып.124); 5) Древнегреческая мифология. М.;Л.,1937; и др.

за внимание к новому учению о языке, прочитать эпизодический курс, по которому я приглашен, и, приветствуя, не могу не поделиться, с риском омрачить привет, не могу не поделиться скорбным чувством при живо воскресающем здесь образе, неизбежно воскресающей памяти о том, кто первый в университетской среде, вне Ленинграда, проторил было дорогу новому учению об языке, б. профессоре Азербайджанского университета Всеволоде Брониславовиче Томашевском, скончавшемся месяца два тому назад на ответственном посту ректора Ленинградского университета. Добрая ему память!»¹⁶.

Далее Н.Я.Марр кратко охарактеризовал деятельность В.Б.Томашевского по углублению и развитию яфетической теории. «Чем т. Томашевский был для нового учения о языке, в родном мне с ним одинаково университете в Ленинграде, в нашей alma mater, кому интересно, получит возможность узнать по слову, посвященному его памяти¹⁷ и вошедшему в число статей печатающегося сборника о числительных, коллективном труде той так наз. Группы числительных, ныне органической части Яфетического института АН, одним из идеологов и технических работников, членов-основателей которой был покойный. Основная его заслуга – фактическое выявление того, как можно, не порывая не только с актуальными по сей день достижениями индоевропейской лингвистики, но даже с её положениями, ныне имеющими лишь историческое значение, – как можно стать адептом новой языковедной теории, её настойчивым поборником»¹⁸.

В 1927 году Н.Я.Марр приехал в Баку в Азербайджанский университет не с пустыми руками: он привёз с собой «Программу общего курса учения об языке», специально составленную для студентов восточного факультета Азербайджанского университета¹⁹. В пункте втором этой программы было обозначено место

¹⁶ Марр Н.Я. Вступительная речь к курсу общего учения о языке, читанному в Азербайджанском университете. // Марр Н.Я. Избранные работы, т.2. Основные вопросы языкознания. Л., 1936, с. 12.

¹⁷ См.: Марр Н.Я. В.Б.Томашевский, как работник новой лингвистики // Языковедные проблемы по числительным, т.1. Л., ОГИЗ, 1927, с.XV-XXVIII

¹⁸ Марр Н.Я. Вступительная речь к курсу общего учения о языке, читанному в Азербайджанском университете. // Марр Н.Я. Избранные работы, т.2. Основные вопросы языкознания. Л., 1936, с. 12.

¹⁹ Эта «Программа» после отъезда Н.Я. была издана Азербайджанским университетом: Марр Н.Я. Яфетическая теория. Программа общего

новой науки о языке в системе современных языковедческих знаний. «Яфетическая теория, – читаем мы текст «Программы». – Подсудность ей всех языков. Увязка с историей материальной культуры и социологии. Важность её не только для археолога, этнолога, историка искусства, словесника, литературоведа, но и общественника в линии и международных и национальных интересов, в особой же степени для проблемы о будущем едином международном внеклассовом языке с использованием речевых достижений всего человечества, не исключая языков отверженных отжившими социальными построениями племен и стран, равно с использованием опытов так наз. искусственных международных языков».²⁰

Такой проект мог увлечь любого студента своим романтизмом и перспективой участия в создании нового невиданного языка, единого для всех стран и народов, который, вероятно, по мысли Н.Я.Марра, должен был в перспективе сложиться на основе постепенно и поэтапно осуществляющегося синтеза всех языков на общем фундаменте языкового общения.

В своем выступлении в университете перед преподавателями и студентами Н.Я.Марр вспоминает и своё посещение Баку в 1924 году. «Второй раз приходится выступать в вашем родном университете, – говорит он. – Но, как будто, у нас не было провала за трехлетний промежуток с выступления моего здесь в 1924 году. У нас, казалось, была с азербайджанским научным миром некоторая увязка, с нашей стороны благодаря главным образом работам моего ученика И.И.Мещанинова; правда, Мещанинов прежде всего историк материальной культуры, специально Элама и архайческой Передней Азии, но... новое учение о языке отнюдь не шествует, паря своим методом в поднебесьи; это не метафизическая отвлеченность, в разлуке с материальной культурой... историки материальной культуры пользуются не только методом новой языковедной теории, но и установленными ею положениями. В этом отношении И.И.Мещанинов отнюдь не одинок; то же самое делают два убежденных последователя новой теории – историк средиземноморской материальной культуры проф. Б.Л.Богаевский, специалист по эллинскому миру, активный работник

курса учения об языке. Баку, изд. Восточного факультета Азербайджанского государственного университета им. В.И.Ленина, 1927.

20 Марр Н.Я. Программа общего курса учения об языке. // Там же, с.5.

АИМК специально в Комиссии социологии искусства, и археолог и этнолог, а также вещевед Кавказа, действительный член АИМК А.А.Миллер, тоже приблизившийся к научно-исследовательской организации Азербайджана...»²¹. Таким образом, Н.Я.Марр подчёркивает традиционно установившуюся научную связь между Ленинградом (ГАИМК'ом) и Баку (Азербайджанским гос. университетом).

По всей видимости, его лекции стенографировались и, вернувшись из Баку в Ленинград, Н.Я. получает полную рукопись «Общего курса учения об языке». Можно предполагать, что Н.Я. планировал ещё поработать над ней, но, как всегда, его захлёстывали всё новые и новые догадки и мысли, и рукопись, так и не подвергшись серьёзной обработке, была с небольшими изменениями и дополнениями, издана в Ленинграде во втором томе «Избранных работ» Н.Я.Марра в 1936 году почти в том же виде, в каком она сохранилась с 1927 года²². Можно представить себе, какое огромное впечатление лекции этого курса должны были оказать на юную К.М. И вопросы, ещё вскользь обозначенные в лекциях, относительно отношений яфетической теории к марксизму, вряд ли показались К.М. случайными, поскольку она в университете уже прослушала и сдала на отлично курс исторического материализма, познакомившего её, хотя всё ещё поверхностно, с идеями и положениями марксизма в сложном поле разноречивых суждений разных лидеров партийного строительства в СССР 20-х годов.

Из текста «Общего курса» мы узнаём, что курс не был дочитан до конца, и материал «Программы» по §§ 46-51 не был дан слушателям. В связи с этим Н.Я. разъясняет: «Из недочитанной части программы, именно шести параграфов (46-51), последний это “Встреча яфетической теории с положениями, высказанными предшествовавшими и современными исследователями других и сходных областей науки о человеке. Лингвисты. Философы. Историки материальной культуры (археологи и этнологи), социологи и марксисты”». В этом параграфе актуальный интерес представляет вопрос о сродстве с марксизмом. Говорю я сейчас об

²¹ Марр Н.Я. Вступительная речь к курсу общего учения о языке, читанному в Азербайджанском университете. // Марр Н.Я. Избранные работы, т.2. Основные вопросы языкознания. Л., 1936, с. 13-14.

²² Марр Н.Я. Общий курс учения об языке. // В кн.: Марр Н.Я. Избранные работы, т.2. Основные вопросы языкознания. Л., Государственное социально-экономическое издательство, 1936, с.23-126.

актуальности интереса не общественного порядка, а теоретического: с этим интересом органически связана ясность представления о методе. Вопрос в данный момент является, по видимому, и общественно животрепещущим, поскольку он занимает десятки умов. Достаточно сказать, что последние два года “марксизм и яфетическая теория” в той или иной редакции послужили темой для ряда докладов не только аспирантов, притом всегда по их почину, но и молодых уже сложившихся учёных. Особого внимания заслуживает из прослушанных мной на эту тему докладов подробный объективный анализ вопроса, сделанный С.И.Ковалёвым 30 мая текущего (т.е., 1927-го – В.С.) года на заседании группы десмотики, или увязки языкознания с историей материальной культуры, в Яфетическом институте АН СССР. Он озаглавлен “Марксизм и яфетическая теория”²³. Далее на восьми страницах с небольшими купюрами почти полностью публикуются основные тезисы доклада проф. С.И.Ковалева²⁴.

Первая часть доклада (тезисы 1-37) содержит в себе в несколько упрощенном виде основные положения марксистской теории со ссылками на работы В.И.Ленина, Ф.Энгельса, К.Маркса, Н.И.-Бухарина, Г.В.Плеханова (стр.111-114), а вторая часть доклада содержит тезисы 38-66, непосредственно связанные с рассмотрением вопроса об отношении яфетической теории и марксизма (стр.114-118) со ссылками на Л.Нуаре, Г.В.Плеханова, А.А.Богданова, Н.И.Бухарина, Ф.Энгельса и неоднократно на Н.Я.Марра. Окончательные выводы, которые содержатся в опубликованных Н.Я.Марром тезисах доклада С.И.Ковалева (тезисы 65-66), звучат следующим образом: «65. При тождественности методологических исходных точек и большой близости целого ряда отдельных утверждений марксизма и яфетической теории, оба учения неизбежно должны объединиться. Яфетической теории необходимо открыто признать марксизм, как свою общеполитическую и социологическую базу, марксизму необходимо принять яфетическую теорию, как свой социальный лингвистический отдел...»²⁵.

В заключительном 66-ом тезисе С.И.Ковалёв делает окончательный вывод: «...яфетическая теория не только кабинетное уче-

²³ Марр Н.Я. Общий курс учения о языке. // Марр Н.Я. Избранные работы, т.2. Основные вопросы языкознания. Л., Государственное.социально-экономическое издательство,1936, с.111.

²⁴ Там же, с.111-118.

²⁵ Там же, с.118.

ние, но и мощное орудие культурного раскрепощения множества “бесписьменных” народов, придавленных как аппаратом империалистического государства, так и высокомерным презрением старой европейской науки»²⁶.

Не следует обращать внимание на некоторые особенности лектики эпохи 20-х – 30-х годов. Важны в данном случае не стилистика речи, а содержание тех исторических процессов, которые формировали научные направления, и то реальное знание, которое накапливалось в научных достижениях гуманитарного цикла наук в это нелёгкое время. А объективно в ГАИМК’е проводилась большая работа, определившая на многие годы вперёд успехи гуманитарных наук в России и их судьбы.

Дискуссия по поставленным проф. С.И.Ковалевым проблемам закончилась, вероятно, весьма мирно. Оценивая итоги обсуждения доклада Сергея Ивановича, Н.Я. так их прокомментировал в своих «бакинских» лекциях: «По существу... доклад С.И.Ковалева отличается полным вниманием к теоретическим положениям яфетической теории без никому не нужного панегиризма, но и без непродуманного полемического момента в отношении как к ней, яфетической теории, так к противоположному ей старому лингвистическому учению. Таким образом, настал уже момент, когда обществоведы сами берут в руки языковедное учение для оценки с точки зрения их специальных знаний. Настал, следовательно, тот момент, о желательности наступления которого я зывал, казалось бы, в пустыне, на вводных страницах издания “По этапам развития яфетической теории”»²⁷.

Далее Н.Я. добавляет: «Естественно было бы не торопиться нам печатным изложением заключительного параграфа (51) Программы, если бы даже он был прочитан в эпизодическом курсе, состоявшемся в Азербайджанском университете»²⁸. По этому замечанию видно, что Н.Я. серьёзно отнесся к критическим замечаниям Сергея Ивановича, считая, что выдвинутый им самим в лекциях «Общего курса учения об языке» 51-й заключительный тезис должен быть дополнительно продуман в пункте о встрече яфетической теории с «современными исследователями других и родных областей в науке о человеке», особенно – с социологами и марксистами. К.М. не могла быть участником этой полемики по

²⁶ Там же.

²⁷ Там же, с.119.

²⁸ Там же.

докладу С.И.Ковалева, потому что в мае 1927 года, когда проходила эта дискуссия, она была ещё в Баку. Но она не могла не слышать об этой дискуссии, тем более, что вопросы, поставленные С.И.Ковалевым, были предметом дальнейших дискуссий относительно взаимосвязей яфетидологии и марксизма²⁹.

К.М. воспринимала лекции Н.Я.Марра как откровение, как своего рода «прорыв» в новые формирующиеся сферы ещё не до конца познанного, но уже маящего к себе нового видения истории языка и культуры. И нет ничего удивительного в том, что К.М., выпускница Азербайджанского гос. университета, настроенная на дальнейшую учёбу, в 1927 году была рекомендована Азербайджанским университетом и Наркомпросом для дальнейшей специализации в Ленинграде.

Перед отъездом в Италию В.И.Иванов составил К.М. рекомендательное письмо для П.Н.Сакулина с просьбой оказать на первых порах помощь К.М. в устройстве в Ленинграде, что является косвенным свидетельством того, что ещё до отъезда В.И.Иванова за рубеж решение о переезде К.М. в Ленинград было уже оговорено. Получаемые от друзей и бывших сокурсников по Азербайджанскому университету письма из Ленинграда об их благополучном обустройстве в городе также настраивали на переезд. Но главным стимулом к переезду в Ленинград был всё возрастающий в обществе интерес к новой теории языка, центром формирования которой был ГАИМК, рост авторитета ГАИМК'а как, бесспорно, ведущего научного учреждения в отношении гуманитарных наук, имевших, что также немаловажно в эти годы, специальное подразделение по античной истории и филологии. Важен был и авторитет конкретных ученых, работающих в ГАИМК'е, и авторитет самого Н.Я.Марра, а также настоятельные советы и поддержка отца – Михаила Банифатьевича, матери и сестёр. Все эти факторы вместе взятые окончательно предопределяли для К.М. решение – ехать в Ленинград и поступать в аспирантуру ГАИМК.

²⁹ Возвращение к «Бакинским лекциям» позже будет проявлено в двух изданиях: 1) «К Бакинской дискуссии о яфетидологии и марксизме». Баку, 1932; 2) Сталин И.В. Марксизм и вопросы языкознания. М., 1950, с.21-22. В данной статье нет возможности подробнее остановиться на ставших по-своему знаменитых «Бакинских лекциях» с тем, чтобы разобраться в проблемах и оценить их с современных позиций.

Вероятно, в самом конце 1927 года, оформив все необходимые бумаги и простившись с родными, К.М. приезжает в Ленинград. Начинается новый этап в её жизни. Именно здесь, в Ленинграде, откуда пошел, если верить запискам её отца, весь род Колобовых, объявившийся в истории России в далекие годы строительства Петербурга, К.М. хотела продолжить линию своих далеких предков. В.И.Иванов считал этот путь единственно правильным, поскольку он затрагивает её исторические корни. Благодаря В.И.Иванову ещё на Кавказе, в далёком Баку, К.М. уже остро почувствовала особую духовную атмосферу далекого города, который манил и притягивал к себе. Но, оказавшись в Ленинграде, она не сразу ощутила особый строй его духовной жизни.

В рекомендательном письме, написанном Вячеславом Ивановичем Ивановым и адресованном известному литературоведу и критику Павлу Никитичу Сакулину, содержалась просьба помочь подающей большие надежды ученице Вячеслава Ивановича войти в ленинградское сообщество литераторов, историков и филологов, связанных с античной культурой. Однако, узнав об отъезде В.И.Иванова за рубеж, Ксения Михайловна к П.Н.Сакулину не пошла, но стала пробиваться к новой жизни сама.

Она снимает небольшую комнату на третьем этаже в доме на углу Невского проспекта и набережной Фонтанки, где могли собираться друзья, в том числе и бывшие «бакинцы», с которыми она не теряла в большом многолюдном городе связь. Первые годы пребывания в Ленинграде были у К.М. связаны с Биржей Труда, получением разнообразной врименной работы по её путевкам. Первоначально она получила работу на кукольной фабрике и на конвейере вставляла глаза куклам. Затем она находит уже ранее освоенную ею в Баку педагогическую работу – становится учителем в 117-ой советской школе и в школе для взрослых при заводе «Большевик», одновременно выполняя отдельные заказы издательств по написанию аннотаций к публикуемым романам.

С конца 1928-го года и в 1929 году она становится литературным сотрудником в отделе женских передач Ленинградского филиала Всесоюзного радио. Среди её работ этого периода особый успех имел радиоочерк «Факел Востока» (о женщинах Востока), который был высоко оценён и передавался на весь Советский Союз по Всесоюзному радио. Несмотря на занятость повседневными заботами о хлебе насущном, К.М. все эти годы упорно готовилась к вступительным экзаменам в аспирантуру ГАИМК; это был

период, когда вступительные экзамены в аспирантуру принимались централизованно Единой Экзаменационной Комиссией в Москве по всем научным учреждениям России. С благодарностью К.М. вспоминала помощь профессоров Ленинградского государственного университета И.И.Толстого, Б.Л.Богаевского и А.И.Малеина, разрешавших ей вместе со студентами быть на занятиях по специальности, пользоваться читальным залом и библиотекой университета в ходе подготовки к вступительным экзаменам в аспирантуру ГАИМК.

В эти годы пребывания в Ленинграде её намерение пройти необходимые испытания и стать аспиранткой в ГАИМК ещё более окрепло. И, вероятно, именно авторитет и особая творческая атмосфера ГАИМК'а, труды членов ГАИМК'а и их несомненный научный авторитет не только в России, но и среди зарубежных ученых, а также – яркая и темпераментная фигура Николая Яковлевича Марра, страстно пропагандирующего свои новые идеи в области лингвистики, теории и истории культуры, поддерживали её настрой на поступление в аспирантуру ГАИМК и в эти для неё трудные годы ленинградских испытаний. Её увлекала новизна и свежесть идей, которые она воспринимала ещё студенткой университета, с доверием относясь к мощной фигуре ленинградского академика. И хотя ей ещё не были достаточно понятны сложные теоретико-методологические построения Н.Я.Марра, ещё не был разгадан таинственный смысл новых научных направлений, основанных Н.Я.Марром, но интерес к его поискам, воспринимавшимся как передовой край гуманитарной науки, был достаточно высок. Забота Н.Я.Марра и его коллег о сохранении традиций и языков национальных меньшинств России, стремление проникнуть в исторические основы сознания и мышления, в том числе и в истоки культур и языков Средиземноморского региона (в том числе Древней Греции и Рима) вызывали не только у К.М., но и у людей постарше, опытных филологов и лингвистов, заметный и неослабевающий интерес.

Аспирантура ГАИМК

Успешная сдача экзаменов в аспирантуру и зачисление К.М. аспирантом по кафедре истории Древней Греции, которой в те годы заведовал акад.А.И.Тюменев, вернуло её к древнегреческой проблематике и определило на долгие годы тематическую заданность её последующих работ. В этот период ГАИМК был выстроен как

взаимосвязь относительно самостоятельных *институтов*, каждый из которых имел свой профиль исследований. Так, Институт истории рабовладельческого общества состоял из кафедр: истории Древней Греции (зав.кафедрой акад. А.И.Тюменев), истории древнего Рима (зав.кафедрой проф.С.И.Ковалев), истории древнего и эллинистического Востока (зав.кафедрой акад. В.В.Струве). Во главе всего института стоял проф. С.И.Ковалев. Институт как подразделение входил в состав Государственной Академии истории материальной культуры АН СССР. Акад. Н.Я.Марр осуществлял общее руководство всей Академией истории материальной культуры, направляя её работу на изучение, прежде всего, фундаментальных вопросов развития языка, мышления и региональных культур в масштабах Европы, Азии, Африки и – в конечном счёте – всего мира. Именно Н.Я.Марр стал новым наставником и учителем К.М., но в границах своих языковедческих интересов, не вмешиваясь в работу кафедры истории Древней Греции и в те поручения, которые получала К.М. по линии кафедры, от А.И.Тюменева и С.И.Ковалева.

Зачисление К.М. в аспирантуру на кафедру истории Древней Греции Института истории рабовладельческих обществ ГАИМК положило начало долгому и трудному пути в науке, который приносил не только минуты удовлетворения от сделанной работы, но и порой горькие переживания от предвзятой критики и неоправданных обвинений.

Поступив в аспирантуру ГАИМК, К.М, как и другие аспиранты, а также и молодые сотрудники ГАИМК, углубилась в чтение работ Н.Я и, конечно же, стала активно посещать лекции и семинары по лингвистической палеонтологии, наблюдала за ходом яфетидологических дискуссий. Новые идеи, однако, давались ей нелегко. Укоренившаяся ещё со времён общения с Вячеславом Ивановичем Ивановым самостоятельность мышления, присущая ей добросовестность и тщательность анализа фактов и доказательств затрудняли изучение публикаций её нового руководителя в силу того, что в его работах перемежались точные, хорошо обоснованные наблюдения со смелыми, неожиданно возникающими гипотезами. Вместе с тем его эрудиция в области языков подавляла, создавала впечатление недостижимости того уровня, на котором находился сам Н.Я., а, следовательно, возникало впечатление недоступности тех вершин, на которых находился сам академик. К концу 20-х годов его знания в области языков не име-

ли аналогов, он обладал знаниями не только европейских языковых систем, но и многих восточных стран, например, Китая, древних клинописных памятников, египетской иероглифики, языка басков и готов, скифов и болгар, многочисленных языков народов СССР и конкретно России. В своих работах он оперировал таким количеством языковых элементов, созвучий и флексий, взятых из множества труднодоступных и малоизученных языковых систем, что проверить степень точности и обоснованности тех или иных аналогий и сопоставлений не было возможным. Сам по себе подход к исследованию языка, его *генезиса, закономерностей исторического развития, его тесных связей с историей культуры* требуют по своей природе обширных знаний и владения многими, взятыми из разных семейств, языками для проведения сравнительного и аналитического исследования. Именно к неустанному расширению возможностей во владении языками и стремились аспиранты Н.Я., к этим показателям стремилась и К.М., которая к моменту своей научной зрелости владела немалым количеством языков, включая древнегреческий и новогреческий, латынь, немецкий, английский, французский и итальянский, чешский и польский, сербский и немного – грузинский и тюркский (азербайджанский). Работы Н.Я.Марра у аспирантов и молодых сотрудников ГАИМК всегда вызывали впечатление большой учёности и новизны взглядов, где ранее неприметные и незначительные факты обретали вдруг значимость и достоверность. Чтение сочинений Н.Я. всегда сопровождалось определенными трудностями, связанными со значительным количеством примеров, аналитических схем, построенных на мало известных лингвистам того времени материалах. Позже Н.Я. начинает использовать свои постепенно накапливающиеся, расширяющиеся знания языков и других народов, в том числе и отдельных малочисленных групп, мало известных лингвистам-индоевропейцам..

Но такие трудности чтения придавали ещё больший вес работам Н.Я., поскольку они расширяли круг анализируемых лингвистических систем. Вероятно, все эти особенности научного творчества Н. Я., как и широкая пропаганда его новых идей, доверие к нему со стороны властей в равной степени содействовали его успеху и притягивали в его ряды всё новых сторонников, не только молодежь, но и представителей старшего поколения. Несмотря на доверие к творческим идеям и исканиям Н.Я. его работы всё же оставались в чтении трудными не только для учеников Н.Я., но

и для его коллег по Академии. Он был во многих своих работах труднодоступен как возвышающаяся над головой горная вершина, на которую никому больше вслед за ним не забраться.

Н.Я.Марр заметно выделялся среди других крупных ученых в составе ГАИМК'а. Возможно, это происходило потому, что он был академиком задолго до революции, а, может быть, и потому, что он как ученый был полностью поглощен своей работой, не замечая и не понимая какой-либо другой жизни, а, может быть, ещё и потому, что более, чем кто-либо дорожил ГАИМК'ом, создателем которого он являлся. И языкознание он понимал не как традиционное изучение какой-либо группы языков и доводки своих знаний до совершенства, но видел в развитии учения о языке перспективы понимания культуры, способствовавшей возрождению языков и национальных традиций малых народов, видел широкие перспективы развития базирующихся на языкознании гуманитарных наук, позволявших в конечном счете понимать лингвистику и как выработку средств к общению, сотрудничеству и взаимодействию людей друг с другом.

Путь, который прошел Н.Я.Марр от успешного гимназиста до одного из ведущих ученых страны, академика и вице-президента Академии Наук СССР, был для него не прост. Начало его знакомства с нетождественными друг другу языками было обусловлено уже тем, что в младенчестве он оказался в сложной языковой ситуации, поскольку был вынужден воспринимать не один, а несколько языков, на которых общались окружающие его люди. Его отец Яков Патрикиевич Монтэгию-Марр, выходец из знатного шотландского рода, покинул Шотландию и с 1822 года поселился в Грузии. Торговля и предпринимательство не принесли ему успех, и он переключился на земледелие, стал известным садоводом и даже имел свою садоводческую школу. Живя в Грузии, Яков Марр плохо владел грузинским языком и предпочитал читать газеты и книги на французском или английском. Мать Н.Я., жена Якова Марра во втором браке, была простая крестьянка-гурийка Агафья Шарашидзе-Магулария. Она говорила только на грузинском языке и другие языки не знала. Сложная языковая среда изначально представляла юного Н.Я. осваивать одновременно и европейские (индоевропейские) и яфетические (грузинский язык, горские наречия) языки, что развило в нём, с одной стороны, способность к языкам, а с другой – интерес к различным формам языкового общения как способам контакта, передачи информации и понимания друг дру-

га. Сын, названный русским именем Николай, родился, когда отец был уже преклонного возраста; он умер, когда сыну еще только исполнилось 8 лет.

Николай Яковлевич Марр родился, как сам он всю жизнь считал, 25 декабря 1864 года по старому или 6 января 1865 года по новому стилю (по официальным документам он родился 4 июня 1864 г.)³⁰. Его родиной была Гурия – район Западной Грузии, в XIV – начале XIX вв. она была самостоятельным феодальным государством – Гурийским княжеством, включавшим в свой состав и Аджарию; с 1811 г. Гурийское княжество вошло в состав России, а при создании СССР – было включено в состав Грузинской ССР.

После смерти отца Якова Патрикиевича в семье возникли материальные трудности, и Н.Я. был зачислен в Кутаисскую гимназию без оплаты обучения, на полный пансион. В период учебы он ярко проявил свои большие лингвистические способности, овладел русским языком, классической латынью, освоил армянский и греческий языки, занимался другими европейскими языками исключительно из-за интереса к их изучению. После окончания гимназии его как выпускника, подающего большие надежды в области языкознания, направили в качестве грузинского стипендиата в Петербургский университет на факультет восточных языков. Здесь и было заложено начало его научной судьбы. Основным наставником Н.Я.Марра в университете стал акад. В.Р.Розен; именно его Н.Я. всю жизнь считал своим главным учителем.

По окончании учебы на факультете в 1890 году Н.Я. сдает магистерский экзамен и в 1891 году назначается приват-доцентом по кафедре грузинского и армянского языков по специальности «армянский язык». Так началась его педагогическая деятельность в университете, которая не прерывалась до самой его кончины.

В 1899 году Н.Я. успешно защищает магистерскую диссертацию (оппоненты акад.С.Ф.Ольденбург и акад.В.Р.Розен), основанную на изучении древних армянских текстов, и получает ученое звание магистра; в начале 1900 года за исследования в области армянского языка и культуры он награждается Русским Географическим обществом Большой Золотой медалью. В этом же году в университете он получает должность экстраординарного про-

³⁰ См.: Миханкова В.А. Николай Яковлевич Марр. М.,Л., изд. АН СССР,1948, с.4.

фессора по кафедре армянской и грузинской словесности, а в конце 1901 года Н.Я. успешно защищает докторскую диссертацию (снова обязанности оппонентов выполнили акад.С.Ф.Ольденбург и акад.В.Р.Розен). Докторская диссертация Н.Я. была посвящена анализу найденной им Шартбердской рукописи, содержащей творения антипапы Ипполита. Сосредоточив внимание на одной из её частей - толковании Ипполитом «Песни песней» Соломона, он, анализируя язык и образные системы текста рукописи, обнаруживает следы армяно-грузинских связей, что становится специальным предметом его новых изысканий. За проведенные исследования ему присуждается ученая степень доктора наук. Как доктор-языковед он получает звание ординарного профессора и становится во главе кафедры армянского и грузинского языков, т.е. кафедры арменистики и грузиноведения.

После смерти в 1908 году акад. В.Р.Розена Отдел по литературе и истории азиатских народов Академии наук оказался без руководителя, и в 1909 году на основе предложения, выдвинутого девятью академиками (В.Р. Радлов, К.Г.Залеман, И.И.Янжул, П.К.Коковцев, М.М.Дьяконов, В.В.Латышев, С.Ф.Ольденбург, П.В.Никитин, А.С.Лаппо-Данилевский), единогласно Н.Я. был избран на Президиуме Академии наук, а на общем собрании Академии наук утвержден адъюнктом Академии, в 1912 году он становится действительным членом Академии наук. Однако, по свидетельству С.А.Жебелева, принять предложенную ему ответственную должность руководителя всего Восточного отдела Академии наук Н.Я. отказался,³¹ вероятно, считая себя не готовым к руководству таким крупным и ответственным подразделением Академии.

Значительное расширение диапазона его исследований приводит его ко всё большему охвату рассматриваемых языков. Н.Я.-Марр выезжает в различные области Европы с тем, чтобы непосредственно слышать и записывать языки отдельных региональных групп, и новые наблюдения тотчас вводит в контекст своих текущих исследований. Работы академика становятся объектом обсуждения уже не только в России, но и за рубежом. Начиная с 1890-ых годов, Н.Я.Марр находится в командировках в крупных научных центрах Европы. В 1894 году он посещает в Страсбурге Виндельбандта и слушает его лекции по философии, посещает из-

³¹ Жебелев С.А. Рождение ГАИМК. Из воспоминаний о Н.Я.Марре // Проблемы истории докапиталистических обществ, 1935, № 3-4, с.171.

вестного немецкого языковеда Нельдеке и беседует с ним об особенностях восточных языков, спорит с Гюбшманом, обсуждая истоки персидского и греческого наречий; в 90-е годы он посещает Вену, Рим, Венецию, Инсбрук, позже неоднократно бывает в Париже, Лондоне, в других центрах языкознания Западной Европы, что не только доставляет ему богатые новые впечатления и источники для исследований, но и делает его известным специалистом, ученым с мировым именем. Работы, издаваемые Н.Я., вызывают за рубежом вместе с большим интересом и заметную настороженность.

Октябрьскую революцию Н.Я.Мартин встретил как естественное событие, поскольку давно ощущал недовольство гурийского народа и других народов России своим положением, ограничениями в развитии своей национальной культуры, использовании национальных языков. Не раз он был свидетелем жестоко подавлявшихся восстаний, участникам которых он не только сочувствовал, но и сам готов был принимать в них участие, если бы был постарше, даже несмотря на то, что его отец, когда был жив, всегда выступал против волнений и бунта, за что и пострадал от местного населения.

Теперь, после свершившейся революции, Н.Я. надеялся, что свободное развитие национальных, культурных традиций не будет иметь препятствий, что все народы обретут не только свободу, но и равенство, что наступит, наконец, время взаимного уважения и взаимного интереса всех народов России друг к другу. Н.Я. не раз подчеркивал, что он противник всякого национализма, всякой несправедливости в национальных вопросах, с чем неоднократно он сталкивался в своей жизни, научной работе и археологической практике.

В революции он приветствовал *возрождение* национальных культур, сохранение культурных ценностей и реликвий. Он был убежден, что теперь будет проявлено высокое уважение к каждому народу в составе России и откроется путь к экономическому и духовному процветанию всех народов совместно и наравне с великим русским народом. Но для этого, как понимал и мыслил Н.Я., необходимо сосредоточить различные отрасли гуманитарных наук на общей цели комплексного изучения культур, особое внимание уделяя их национальным особенностям, проявляя заботу о сохранении памятников традиционных и национальных культур на территории всей страны, их изучении и почитании – вот основные ус-

тановки, которые определяли конкретную деятельность Н.Я.Марра в первые годы после свершившейся революции.

В начале 20-х годов Н.Я.Марр написал несколько работ, открыто подвергавших критике традиционное языкознание. Так, к 1920-му году на основании многочисленных наблюдений и долгих размышлений возникает, с одной стороны, его знаменитая работа «Яфетический Кавказ и третий этнический элемент в созидании средиземноморской культуры» (1920), а, с другой стороны, значительно расширяется *исследование взаимосвязей* различных языков мира, особенно яфетических, хамитских, индоевропейских. Цель, которую ставит в данном случае перед собой Н.Я.Марр, это выяснения исторических фаз развития, соприкосновений и заимствований древних языков. В 1924 году в журнале «Новый Восток» можно было прочесть новую работу Н.Я.Марра «Об яфетической теории», которая не могла не привлечь к себе внимание тех, кто начал следить за дискуссиями в области языкознания³².

В 20-е годы в работах Н.Я. усиливается интерес к *происхождению* различных слов и понятий в языках разных народов, часто имеющих звуковую перекличку, к *историческим основам и истокам языкового общения*, которое, по его твердому убеждению, не могло иметь изначально никакой национальной, этнической и региональной окраски, поскольку могло состоять только из невнятных звуков, поддерживаемых жестами и мимикой. И в этом древнейшем палеонтологическом состоянии следует, по его мнению, видеть начальное звено всех языков мира, а изменение в языковой практике, расхождение языковых ветвей он объясняет воздействием, прежде всего, хозяйственных факторов и географических условий, природной среды.

В ходе своей исследовательской деятельности ещё в предреволюционные годы Н.Я. обнаружил, что изучение отдельных памятников культуры не может быть достаточно эффективно без подключения всего комплекса гуманитарных наук. В силу этих убеждений он не только заинтересовался междисциплинарными связями, но и активно стал поддерживать всякое сближение друг с другом различных гуманитарных дисциплин, считая такое взаимодействие плодотворным и перспективным. Востоковедение, история, этнология, археология, искусствоведение, языкознание – все эти и ряд других отраслей науки в конечном счете обращены к одному единственному предмету – *явлению общей и национальной*

³² Марр Н.Я. Об яфетической теории. // Новый Восток, 1924, кн. V.

культуры, которая – по существу – и наполняет жизнь человечества, делает её разумной, успешной и богатой.

Вот почему и намеченную в 1918 году реорганизацию университетов, связанную с укрупнением гуманитарных факультетов, Н.Я. оценил положительно и активно содействовал сближению отраслей гуманитарного знания в целях расширения зоны сотрудничества и комплексных исследований культур народов России и мира. Акад. С.А.Жебелёв по этому поводу вспоминает: «Без малого 40 лет связывает меня с Н.Я.Марром научно-дружественное общение, никогда не прерывавшееся, ничем не омрачавшееся. В дореволюционное время работали мы вместе в университете, он – на Факультете восточных языков, я – на историко-филологическом, сидели за одним столом на заседаниях совета, а – временами – и в заседаниях правления, когда Н.Я. был деканом своего факультета, а я исполнял, кратковременно впрочем, обязанности проректора и ректора университета и декана своего факультета. Никто более Н.Я. не содействовал сближению этих факультетов... Когда, в первые революционные годы, предстояла реформа университетского строя и когда факультеты историко-филологический, юридический и восточных языков должны были слиться в единый факультет общественных наук с подразделениями на ряд специальных отделений, записка по этому поводу в части, касающейся объединения историко-филологического и восточного факультета, была выработана нами совместно и появилась за подписями нас обоих; составлялась эта записка в Москве в начале января 1919 г.»³³.

Научное учреждение, в аспирантуру которого была зачислена К.М., имеет свою историю, и тот творческий потенциал, который обнаружил ГАИМК в период своего расцвета, возник и развился не сразу. Здесь потребовалась инициатива и настойчивость, организационный талант Н.Я., поддержанный его коллегами и, прежде всего, акад. С.А.Жебелевым.

Важным источником, вызвавшим различные варианты решений, были в первые годы советской власти немалые тревоги за судьбы Государственной Российской Археологической Комиссии как научно-творческой организации, которая находилась после революции на грани распада. Н.Я. считал, что в новых условиях нельзя допустить её полное исчезновение; наоборот, её потенциал и её функции надо было во что бы то ни стало сохранить, а по

³³ Жебелев С.А., ук.соч., с.170.

возможности – и расширить. Только её реорганизация, создание на её основе более современного и активно-творческого учреждения – считал Н.Я.Марр – может изменить складывающуюся ситуацию. Одновременно личный творческий опыт подсказывал Н.Я., что реорганизация Комиссии может содействовать сближению гуманитарных наук, созданию единых по своей направленности и целям исследовательских программ, распространению многосторонних, комплексных методов изучения единых общекультурных проблем. Так возникла идея создания Государственной Академии истории материальной культуры на основе реорганизации Государственной Российской археологической комиссии.

Задачи нового учреждения – ГАИМК'а – он видел в создании научных программ, отвечающих требованиям полноценного исследования генезиса и истории общей и региональных культур не только в России, но и по всему миру. Вместе с тем он считал, что такого рода учреждение сможет в практическом отношении содействовать созданию наиболее благоприятных условий для достижения и максимально возможной полноты развития духовной культуры у народов России в условиях строительства нового государства, обеспечению бережного отношения ко всем культурным памятникам и их сохранению на всей территории молодой республики.

Акад. С.А.Жебелёв вспоминает: «...в начале марта 1919 г. Н.Я. (Николай Яковлевич Марр – В.С.) имел со мною долгую беседу. Она началась словами «так дальше продолжаться не может», а далее он стал мне развивать мысль о создании, вместо Археологической комиссии, такого научного учреждения, задачей которого должно служить исследование, в историческом разрезе, материальной культуры во всех её видах и формах, с привлечением к делу исследования всех источников, будут ли то источники вещественные или письменные, с привлечением данных этнографии, фольклора и лингвистики. Это учреждение должно быть построено во всероссийском масштабе, носить характер не комиссии, а стать академией, причем, однако, она должна иметь не только теоретические, но и практические задачи – имелось ввиду, главным образом, производство полевой работы, а также установление прочной связи с художественно-историческими и бытовыми музеями, в первую, по крайней мере, очередь, здешними. Так вырисовывалась у Н.Я. будущая Академия истории материальной

культуры. Найдя во мне живой отклик и полное сочувствие развиваемым им положениям, Н.Я. быстро взялся за осуществление своей мысли, и у него, как всегда и во всем, “живо дело закипело и поспело в полчаса”. 18 апреля 1919 г. был издан декрет об учреждении ГАИМК, а в начале августа того же года Академия была сконструирована, Н.Я. избран её председателем, установлен, путем избрания, состав её действительных членов, включавший, можно сказать, почти все наличные в нашей стране научные силы из лиц старшего и среднего поколения. Этот первоначальный состав вскоре же был пополнен и впредь пополнялся учеными сотрудниками, которые, в сущности, занимали такое же положение, что и действительные члены. Наряду с этою «верхушкой» Академии к работе в ней был привлечен значительный состав научных сотрудников разных категорий. Первоначального помещения, занимаемого Академией в Зимнем дворце, скоро стало недостаточно, и она получила, благодаря опять-таки стараниям Н.Я., Мраморный дворец»³⁴. Немаловажное значение имел и тот факт, что декрет об учреждении Государственной Академии истории материальной культуры 18 апреля 1919 года подписал сам В.И. Ленин. В этом документе говорилось: «Для археологического и художественно-исторического научного исследования вещественных как монументальных, так и бытовых памятников, предметов искусства и старины и всех вообще материальных и культурных ценностей, а также научной охраны всех этих ценностей, находящихся в пределах РСФСР, учреждается в Петрограде Российская Академия истории материальной культуры»³⁵. Именно от этого, уже обретшего своё собственное лицо, научного учреждения и приехал в 1924 году в Баку акад. Н.Я. Марр.

Всего через семь лет после своего учреждения ГАИМК неузнаваемо изменился, превратившись при руководстве Н.Я. Марра в крупнейший научный центр по гуманитарным исследованиям. 12 февраля 1926 года был подготовлен Н.Я. и утвержден новый Устав ГАИМК. В нём говорилось, что ГАИМК в соответствии с пунктом 1-ым нового Устава «есть научно-исследовательское учреждение, которое, преследуя в своей деятельности общие цели развития просвещения и хозяйственного строительства СССР, имеет своей непосредственной задачей научное добывание и исследование вещественных памятников искусства, древности и

³⁴ Там же, с. 172-173.

³⁵ Цит. по статье: Жебелев С.А., ук. соч., с. 173.

старины, с вовлечением в научный оборот достижений исторически сменявших одна другую культур, а также всестороннее научное изучение этих достижений и исследование методов их охраны»; в пункте 2-ом добавляется: «Академия занимается теоретической разработкой вопросов, относящихся к области этнологии, археологии и истории искусства, а также изучением методов установления взаимоотношения её объектов исследования с формами общественной жизни в их генетическом развитии»³⁶.

ГАИМК, начав своё существование с малого, к середине 20-х годов стал всемирно известным центром гуманитарных исследований, постепенно сосредоточив в своих стенах все ведущие силы страны в области истории, этнологии, археологии, археографии, востоковедения, лингвистики. В самом названии учреждения указывалось, что деятельность ГАИМК направлена на изучение *именно культуры*, о которой можно судить прежде всего по наиболее надежным свидетельствам прошлого – материальным памятникам; только в соединении с другими свидетельствами они могут дать, по мысли руководителей и создателей ГАИМК’а, полноценный ответ относительно происхождения и истории культуры духовной и материальной как в общих, так и локальных формах.

Оценивая быстрый рост ГАИМК’а, акад. С.А. Жебелев писал: «Чтобы дать представление о количестве “живой силы”, работавшей в Академии по сравнению с прежней Археологической комиссией, достаточно сопоставить следующие цифры. В 1915 г. в последней значилось 5 штатных членов (ни одного из них теперь уже нет в живых); в 1925 г. ГАИМК имела такой штатный состав: действительных членов – 17, ученых сотрудников – 18, научных сотрудников и ассистентов – 48, регистраторов – 13. Одновременно с ростом рабочей силы в Академии рос и диапазон её работы»³⁷.

Сам по себе «марровский» ГАИМК – это самостоятельная и особая страница биографии каждого ученого, кто прошел через эту школу свободного научного поиска и активной творческой жизни. Уже сама обстановка поиска решений давно назревших проблем, свободного научного творчества, публичных дискуссий, собиравших вокруг себя не только гаимковцев, но и ученых, научную молодежь из Москвы, республиканских столиц и других научных центров, оказывалась питательной средой для всех,

³⁶ Цит. по статье: Жебелев С.А., ук. соч., с.173-174.

³⁷ Жебелев С.А., ук. соч., с.173.

кто стремился освободиться от устоявшихся шаблонов и найти новые хорошо аргументированные ответы на давно назревшие вопросы.

Несомненно, именно в стенах ГАИМК'а в 20-е - 30-е годы вершились судьбы многих гуманитарных исследований, рождались новые исторические школы, впоследствии завоевывавшие высокий авторитет как в России, так и среди зарубежных ученых. Именно в ГАИМК'е берет свои истоки масштабность археологических исследований, принесших славу советской науке, этнологических исследований, оказавших сильное стимулирующее влияние на развитие национальных культур, археографической деятельности, определившей создание фондов и архивов – бесценных хранилищ памятников письменности и музейных предметов. И истоки этих достижений также связаны с инициативами и деятельностью Н.Я.Марра, его убежденностью в том, что гуманитарные науки и прежде всего – история вместе с археологией, этнологией, археографией и языкознанием как история языков – должны создать новое понимание *культуры* как основы социального роста и развития человека и общества, понимание её исторической роли в развитии народов и её ответственного положения в становлении создаваемого общественного строя, ибо общество без опоры на историю и развитие культуры не может, по мнению Н.Я., быть благополучным.

Вместе с ростом ГАИМК, расширением зоны исследований и самого Н.Я. неизменно рос и его авторитет. В 1924 году он, помимо того, что являлся председателем ГАИМК, был избран также директором Государственной Публичной библиотеки в Ленинграде, а в 1925 году параллельно назначается директором Комитета по изучению языков и культур народов Востока СССР (в дальнейшем – Институт народов Советского Востока при ЦИК СССР). С 1925 года он каждый созыв переизбирается в Ленинградский Совет народных депутатов, в 1928 году за серию научных работ он удостоивается премии им. В.И.Ленина, в 1929 году избирается членом Коммунистической академии, в 1930 году – вице-президентом Академии наук СССР, членом Белорусской Академии наук. Именно в этот год избрания Н.Я. вице-президентом Академии наук СССР К.М. и зачисляется в аспирантуру ГАИМК на кафедру, которой заведует акад.А.И.Тюменев. Позже Н.Я., уже в 1931 году, становится членом ВЦИК СССР, а в 1933 году, незадолго до своей кончины, в связи с 70-летием и и 45-летием научной и обще-

ственной деятельности он получает высшую награду государства – орден Ленина³⁸.

Пребывание К.М. в аспирантуре было недолгим – всего два с половиной года: с 1930 по 1932 год. Однако за этот срок заметно изменилась вся жизнь К.М.. Сама атмосфера ГАИМК'а и напряженная творческая работа почти полностью поглотили внимание и время аспирантки. Н.Я. особенно не баловал своих подопечных, но внимательно следил за их движением и ростом. К.М., став ученицей Н.Я., немало потратила сил для освоения идей Н.Я.Марра и его исследовательских приёмов и технологий. Н.Я.Марр никому не отказывал в консультациях и беседах, но его занятость значительно ограничивала возможности общения с ним. К сожалению, дневники К.М. этого периода не сохранились, поскольку в 30-е годы начались репрессии, участились аресты, и чтобы никого не подставить под беду К.М. все свои дневники и переписку бросила в печь. Поэтому для того, чтобы представить те отношения, которые складывались между Н.Я. и его аспирантами приходится использовать воспоминания одного из талантливых учеников Н.Я., являвшимся его аспирантом в 30-е годы, И.В.Мегрелидзе. Он вспоминает: «После окончания университета (в Тифлисе – В.С.) в 1931 г. я был принят в аспирантуру Академии наук СССР, где получил все возможности для научной работы ...

С этого момента Н.Я. стал моим непосредственным, постоянным руководителем. Я регулярно приходил к нему на квартиру. Н.Я. всегда был чутким, внимательным, настоящим учителем. Ведя сам напряженную работу, он всегда заражал стремлением к непрерывной научно-творческой деятельности, вселял энтузиазм своим исключительным трудолюбием и удивительным темпераментом. Н.Я. был высоко принципиальным человеком, одновременно приветливым, чутким и простым. Умел со всеми находить общий язык; умел ко всем подходить просто, без тени бюрократизма и формализма. Руководил своими учениками так внимательно и с таким усердием, что, например, я в любое время мог кон-

³⁸ См.: Миханкова В.А. Основные вехи жизни Н.Я.Марра.// Проблемы истории докапиталистических обществ, 1935, № 3-4, с.12-19; см. также: Миханкова В.А. Николай Яковлевич Марр. М.-Л., ОГИЗ-СОЦЭКГИЗ, 1935 (Известия Государственной Академии истории материальной культуры имени Н.Я.Марра, вып. 154), 363 с.; монография переиздана в 1948 году: Миханкова В.А. Николай Яковлевич Марр. Отв. ред. акад. И.И.Мещанинов. М.-Л., изд. АН СССР, 1948, 479 с.

сультироваться у него. Когда, бывало, Н.Я. был слишком занят днем (а когда он был свободным?), - он вызывал меня рано утром или поздно вечером. Но когда бы я ни зашел, всегда находил его работающим за письменным столом. Радовало его каждое мое даже небольшое достижение, постоянно он давал ценнейшие указания и советы; постоянно проверял мои знания, и если я в чем-то ошибался, он начинал тихо и спокойно объяснять суть вопроса во всех его мелочах.

Н.Я. хотя и был темпераментным, вспыльчивым и требовательным, но в нужный момент он бывал исключительно спокойным и отзывчивым, сам объяснял всё, и давал полную возможность разобраться в самых запутанных вопросах, но если видел упрямство со стороны своих учеников, особенно молодых, он в таких случаях становился беспощадным»³⁹.

Не менее значимым являлось и свидетельство акад. И.А.Орбели: «Те, кому выпало счастье учиться у Н.Я.Марра, знают, как была велика его сила. Потому ли, что до седых волос, до самой своей роковой болезни Н.Я.Мартр сохранял всю свежесть кипящей ключом молодости, всю силу юношеского задора, потому ли, что эта душевная молодость и свежесть влекли его к тем, кто молод и годами, но трудно себе представить Николая Яковлевича иначе, как окруженным молодыми. Навсегда памятни останутся его слова, что учеником достоин называться лишь тот, кто пошел дальше учителя, что прибавил нечто новое к усвоенному.

Непреренно углубить, непременно расширить, непременно дать своё. И до тех пор, пока Николай Яковлевич не убеждался с горечью в неспособности мнящего себя учеником, усвояющего, но не возвращающего, прибавить нечто ценное, пойти дальше учителя, он готов был отдать все своё знание, весь свой накопленный опыт, никогда не скупясь, никогда не ревнуя...

Трудно представить себе, какое раздражение, вернее, какой гнев вызвала в нем переданная ему через меня его тогдашними учениками просьба не прекращать преподавания в связи с избранием его в адъюнкты (по современной терминологии – в члены-корреспонденты – В.С.) Академии наук в 1909 г. Он был возмущен до готовности отречься от своих учеников, если они способны допустить мысль, что исследовательская работа может развиваться

³⁹ Мегрелидзе И.В. О любимом учителе.// Проблемы истории докапиталистических обществ. 1935, № 3-4, с.188.

без постоянного общения с аудиторией, без возможности видеть вокруг себя растущих исследователей»⁴⁰.

Л.Г.Башинджагян, являвшийся одним из учеников Н.Я., вспоминает: «Изучив внимательно, всесторонне тот или другой факт, установив определенные отношения этого факта с другими, Н.Я. неизменно ставил вопрос: “почему существует этот факт” и почему существует в такой форме, в таком виде, а не в ином. С этим именно вопросом “почему” Н.Я. обращался к докладчикам, к своим оппонентам, ученикам, к самому себе... Помнится мне, что на каждой лекции, которую мне приходилось слушать, наступал момент, когда Н.Я., подводя нас к объяснению, найденному им для какого-нибудь факта, ставил свой неизменный вопрос “почему”. При этом он вдруг останавливался, обводил внимательным взором всю аудиторию, пенснэ падало и повисало на шнурке, и после небольшой паузы говорил: “а потому”, дальше следовало объяснение... Его вопрос “почему” все ещё звучит в моих ушах и эту именно особенность его, это неугасимое стремление найти объяснение тем фактам, которые мы изучаем, дойти до самого источника изучаемых фактов, я бы больше всего хотел в порядке ученичества наследовать»⁴¹.

Акад.И.И.Мещанинов констатировал: «Н.Я. необычайно любил преподавание, любил и студентов. Здесь Н.Я. ярко выступает с двух сторон – как требовательный педагог и в то же время как очень отзывчивый к работе студентов, ко всем вопросам, возникающим у студентов. Его требовательность к посещению лекций сочеталась с необычайной доступностью. И студенты могли свободно задавать ему вопросы. Н.Я. готовился к каждой лекции крайне основательно»⁴².

То, что отношение Н.Я. к аспирантам и молодым сотрудникам всегда было очень внимательным, свидетельствует и опубликованная 21 декабря 1934 года в «Комсомольской правде» коллективная статья под заголовком «Он учил молодежь», подписанная комсомольцами и научными работниками ГАИМК Бернштамом, Борисковским, Гюлямирян, Капошиной, Лисиным, Морозовой, Смирновым, Стржелецким, Шакуловым. В ней мы читаем: «Наша аспирантура в Государственной Академии истории материальной культуры проходила в 1930-1934 гг. Она всегда будет в нашей па-

⁴⁰ Орбели И.А. У гроба Н.Я.Марра. // Там же, с.218-219.

⁴¹ Из воспоминаний о Н.Я.Марре: Л.Г. Башинджагян. // Проблемы истории докапиталистических обществ, 1935, № 3-4, с.161-162.

⁴² Из воспоминаний о Н.Я.Марре: И.И.Мещанинов. // Там же, с.157.

мяти связана с именем Николая Яковлевича. Каждая из встреч с ним давала зарядку и направляла нашу дальнейшую работу. Иногда это был разговор молодого, начинающего работать аспиранта со своим руководителем по той или иной теоретической проблеме; иногда это – дискуссия между Николаем Яковлевичем и переживающим свой “критический период” молодым человеком по боевым вопросам нового учения о языке; иногда это была строгая проверка председателем Академии знаний молодого аспиранта....

Даже трудно представить, как при своей исключительной и организационной и научной нагрузке Николай Яковлевич Марр умел входить во все мелочи жизни нашей Академии, интересовался каждым живым человеком. Когда комсомолка-аспирантка Капошина оформляла свою работу по истории греческих народов, Николай Яковлевич Марр два раза вызывал её к себе. Он внезапно вынул из портфеля две греческие книги:

“Вот я специально принес для вас. Читайте и переводите”.

Капошина была подвергнута серьезному экзамену по греческой истории и языку. А сколько вопросов было задано Николаем Яковлевичем по существу прочитанного, какие новые, неожиданные мысли высказывал он! И когда оказалось, что Капошина ещё не проработала все труды по истории античного мира, он укоризненно сказал:

“Для кого это пишется? Молодежь, и не читает!”

Эти слова должны стать наказом для нас, молодых работников науки. Хорошие, ласковые слова всегда находил Николай Яковлевич в беседах с нами»⁴³.

Как вспоминает В.М.Алексеев, «...шедевром профессорского творчества были знаменитые марровские магистерские экзамены, на которых развертывалась всех нас очаровывавшая, пленявшая и учившая картина научного воспитания. Мне никогда не забыть этих блестящих, остроумных и глубоких вопросов, задаваемых профессором магистранту, которые свидетельствовали о том, что в аудитории этого профессора творилась подлинная наука, не только выучивавшая, но именно воспитывавшая искателя. Профессор требовал инициативы, не только знания, но именно умения решать научные задачи. Этот профессор несомненно писался с большой буквы. Я счастлив, что я на этих экзаменах присутствовал. Я несчастлив, что сам им не подвергался, и

⁴³ Бернштам, Борисковский, Гюлямирян, Капошина, Лисин, Морозова, Смирнов, Стржелецкий, Шакулов. Он учил молодежь. // Комсомольская правда, 1934, 21. XII, с.2.

только ликовал за других. Я воспитался на них, как мог, конечно...»⁴⁴

У К.М. был и свой опыт работы с Н.Я. Изучая исследовательские технологии Н.Я. в их масштабных проявлениях, аспирантка К.М. отдавала себе отчет в том, что они мало доступны не только начинающему ученому, но и подчас зрелому специалисту. Поэтому К.М. понимала, что задачи перед собой в области освоения «новой науки о языке» надо ставить скромные, не рассчитывая даже весьма отдаленно повторить исполинский размах работ Н.Я. Несмотря на то, что не все в ГАИМК'е поддерживали яфетическую теорию языка, предложенную Н.Я.Марром, К.М. настойчиво стремилась овладеть технологиями яфетидологов, хотя по мере изучения работ этого направления всё чаще сталкивалась с сырым, ещё не отработанным материалом, набросками, идеями, ещё не прошедшими необходимую апробацию, а – в других случаях – сложными построениями, основанными на множестве извлечений из самых различных языков. Пройдя определенную самостоятельную подготовку, К.М. в 1931 году решает опубликовать свою первую работу, которую квалифицирует как вполне яфетидологическую и палеонтологическую, в соответствии с требованиями школы Н.Я.. Так в 1931 году в отдельном издании Известий Государственной Академии истории материальной культуры под её именем публикуется статья «Опыт палеонтологического анализа терминов власти» (1,75 печ.л.)⁴⁵.

С первой строки работа К.М. задает тон критического осмысления лингвистической палеонтологии. Несмотря на то, что по изданным Н.Я. таблицам уже была создана схема расположения хозяйственной деятельности, экономики – «охота и собирательство – скотоводство – земледелие», – К.М. следует за реальными фактами, опирается на состояние конкретных исторических знаний, в силу чего утверждает: «На вопрос о смене хозяйственных форм в Греции точного ответа до сих пор нет (это – смелое заявление, если учесть уже устоявшуюся и получившую определенное хождение схему – В.С.). Прежде канонизировавшаяся таблица, в которой скотоводческое хозяйство шло непременно раньше земледельческого,

⁴⁴ Алексеев В.М. Н.Я.Марр. К характеристике ученого и университетского деятеля.// Проблемы истории докапиталистических обществ, 1935, № 3-4, с.67-68.

⁴⁵ Колобова К.М. Опыт палеонтологического анализа терминов власти. // Известия Государственной Академии истории материальной культуры, 1931. т.ХI, вып.2.

уже изжила себя, как всякая голая схема»⁴⁶. Н.Я., впоследствии читая эту работу, вряд ли мог простить такую оценку выработанной в палеонтологической лингвистике и уже утвердившейся схемы. Затем она делает деликатный поклон своему учителю Н.Я., хотя в этой фразе можно заподозрить и легкую иронию. «В действительности же, – пишет К.М., – мы видим везде настолько глубоко, насколько позволяет сделать это *палеонтологический анализ* (подч. мной – В.С.), существование скотоводства с земледелием, с ведущей ролью последнего, при которой скотоводство играет лишь роль второстепенного фактора...»⁴⁷. Делая уступку, К.М. все же оставляет в силе общее замечание относительно «голой схемы», хотя и понимает своё расхождение с теорией «стадиального» развития Н.Я.Марра. Но и Н.Я.Март в своих работах подает пример несговорчивости, ершистости, упрямого следования за своими собственными наблюдениями и выводами, подчас даже переступая через мелкие помехи и возникающие отдельные несоответствия. Однако, в отличие от Н.Я.Марра, К.М. не хочет переступать через мелкие помехи и отдельные несоответствия. Здесь сказывается суровая школа Вячеслава Ивановича, не терпевшего, и, прежде всего – в мелочах, никаких неточностей и ошибок.

В заключительной части своего труда К.М. вновь подчеркивает: «В моей работе, как это можно было заметить, центр тяжести лежит в переходе общества от доклассового к классовому, и анализ терминов власти меня интересовал именно со стороны превращения земледельца в землевладельца. Поэтому я не коснулась ряда вопросов, отсутствие которых в моей работе может привести в замешательство не одного только яфетидолога. Так, я не коснулась семантического ряда ‘небо – гора - голова’, т.е. сакральной теории власти, – во-первых, потому, что мной были затронуты слои гораздо более поздние, во-вторых, ещё и потому, что в этом вопросе – в лучшем случае, – пользуясь готовой схемой Н.Я.Марра, я могла бы извлечь ещё несколько иллюстраций на греческом языке, повторяя в целом положения, ставшие в яфетической теории уже общими.

Не коснулась я также и роли руки в образовании термина власти. Несомненно, что понятие руки участвовало в процессе образования этих терминов. Но мне кажется, что при общем сведении всех терминов власти к руке, мы обесплодим всю нашу работу: рука тоже не может восприниматься как нечто единое; на каждой

⁴⁶ Там же, с. 1.

⁴⁷ Там же.

стадии развития человеческого общества 'рука' получает иное производственное значение, в связи с этим должна изменяться и её функциональная семантика»⁴⁸.

Примеров этих, пожалуй, достаточно, чтобы проиллюстрировать, как К.М. сопротивлялась формальным схемам лингвистической палеонтологии, не видя в них убедительных обоснований. Она чувствовала и понимала, что многие построения у Н.Я. носят гипотетический характер, они требуют многочисленных подтверждений, которые может дать, а может и не дать время.

Вероятно, К.М. предполагала, что её работа должна понравиться Н.Я.Марру независимостью мышления, полемичностью, научной требовательностью к себе, позитивными решениями поставленной перед собой исследовательской задачи. Возможно, она даже подготовила экземпляр издания своей работы для того, чтобы преподнести Н.Я. свой первый самостоятельный труд. Но ко встрече она подготовиться не успела. Как рассказывала К.М., Н.Я.-Марр встретил её в коридоре ГАИМК'а и тотчас пригласил к себе в кабинет. Они вместе вошли в просторную комнату, с мягкими креслами, обставленную книжными полками по стенам, с массивным письменным столом, к которому сразу и направился Николай Яковлевич. Первое, что увидела К.М. в кабинете Николая Яковлевича, это была её работа, раскрытая на одной из последних страниц, с карандашными отметками на полях и карандашом, оставленном на изгибе брошюры. Углубившись в своё кресло, Н.Я. лишь произнес: «Я прочитал Вашу работу о терминах власти, где Вы пишете, что опираетесь на яфетическую теорию. Читая ваше сочинение, я понял, что Вы, вероятно, *знаете* яфетическую теорию, зато мне стало ясно, что *зато я её похоже совсем не знаю*. Не будете ли так любезны разъяснить мне, что такое яфетическая теория и палеонтологический анализ». Пока К.М. смущенная этим заявлением Николая Яковлевича собиралась с мыслями, в кабинет Н.Я.Марра постучался и вошёл его секретарь с сообщением, что его ждёт японская делегация. Н.Я. извинился перед К.М., что вынужден прервать эту так интригующе начатую беседу и, обещав продолжить её в ближайшее время, которое могло бы устроить обоих собеседников, прошёл навстречу входившим в кабинет японцам. Впоследствии начатая так остро беседа так и не состоялась.

⁴⁸ Там же, с.26.

Но для себя К.М. сделала определённый вывод: с технологией палеонтологического анализа терминов власти она справилась лишь частично, и что-то явно не устроило Н.Я.. Вероятно, уроки Вячеслава Ивановича Иванова, очень требовательного к доказательству аргументации каждой детали, каждой мелочи в суждении давали о себе знать. Её добросовестность и критицизм, требовательность к себе и стремление к самостоятельности – вот что определило её стиль в написании данной работы. Пройдет два года, и в дни 70-летнего юбилея Н.Я. и 45-летия его плодотворной творческой деятельности К.М. предпримет - в честь Н.Я. – ещё одну попытку обратиться к палеонтологии языка в статье «К вопросу о сарматском языке» (1933). Но Н.Я.Марру уже не доведется обсудить новую работу с К.М., оценить её попытку *войти* в фарватер идей и концепций Н.Я.: неожиданная смерть ученого прервет его поистине неутомимый научный и организаторский труд, оставив его учеников и последователей на попечение их судьбы, которая, в конечном счёте, оказалась нелегкой.

Обращенность к молодежи, своим ученикам, стремление быть среди молодежи была характерной чертой не только Н.Я.Марра, но невольно Ксении Михайловне должен был вспоминаться и В.И.Иванов, также всегда в Баку окруженный молодежью. Общение с учениками, молодыми, начинающими учеными и у Н.Я.Марра и у В.И.Иванова было очень похожим по тому особо бережному подходу к своим слушателям, который они проявляли: ни В.И.Иванов, ни Н.Я.Марр никогда не жалели ни времени, ни сил на своих воспитанников. Эта особенность создавала мягкий переход от одного руководителя, учителя к другому, что невидимо, незаметно сближало в глазах К.М. двух её самых главных учителей – В.И.Иванова и Н.Я.Марра. Возможно – особый взгляд на культуру, возможно – широта натуры, щедро раздаривающей, разбрасывающей новые идеи, нетривиальность и настрой на поиски новых путей в науке, смелость и решительность в отрицании устоявшихся старых догм, своего рода – тяга к обновлению, свежей мысли, яркому высказыванию объединяли их.

Вячеслав Иванович, правда, был более домашним, более камерным, требовал саморефлексии, глубины, строгости построенных и доказуемых идей. Н.Я.Марр был иной – он был более публичен, обращён к широкому кругу людей, прекрасный оратор, захватывающий силой своего темперамента и азарта своих слушателей, по духу он был бунтарь, стремящийся к обновлению, ломке

трафаретов, разрушению и изменению сложившихся схем. Чем-то созвучен он был В.В.Маяковскому как трибуну и острому полемисту. Он был сыном своего времени, своей бурлящей эпохи, он умел противостоять ей, защищая то, что ему дорого в этой новой и беспокойной жизни.

М.С.Альтману тоже приходило на ум сопоставление Н.Я.Марра и В.И.Иванова, двух учителей и вожатых по жизненным дорогам. По этому поводу он писал: «Вячеслав в Баку был моим ночным «вожатым», моим [же научным] руководителем в Ленинграде стал академик-лингвист Николай Яковлевич Марр»⁴⁹. Эта особая линия преемственности ощущалась и М.С.Альтманом и К.М.. Любопытно, что и в случае с В.И.Ивановым и в случае с Н.Я.-Марром были действующим фоном Кавказ и Петербург-Петроград-Ленинград. Только В.И.Иванов осуществлял движение из Петербурга-Петрограда на Кавказ, а Н.Я.Марр, наоборот, – с Кавказа в Петербург-Петроград-Ленинград.

Как бы то ни было, но в жизни К.М. складывалась определённая логика перехода от одного учителя и наставника к другому под общим знаком обращения к культуре как главной теме творческих приисков. И хотя кавказский темперамент не мог быть прямым аналогом сдержанному темпераменту В.И.Иванова, но энергия, неутолимая жажда проникновения в глубины, истоки явлений и событий, в тайны происхождения языка и культуры роднили и связывали одного и другого. Напряженная ни на минуту не прекращающаяся интеллектуальная работа, постоянно воздействующий на К.М. творческий энтузиазм учёного и романтика и в том и в другом случае были похожи между собой, по-своему отражая одно и то же беспокойное, перенапряженное время первых десятилетий советской власти. Н.Я.Марр и В.И.Иванов были схожи и в том, что и тот и другой стремились своих учеников настроить на непрерывный интеллектуальный труд, обратить к широкому полю гуманитарных исследований, пробудить в них интерес к генетическому анализу, к архаике как исходным формам искомым истоков сущего, фундаментальным основам духовного человеческого бытия.

Кавказ и Петербург (Ленинград) стали двумя важными этапами в жизни К.М.. Также и два лидера, два учителя – кавказец Н.Я.Марр в Ленинграде и петербуржец В.И.Иванов в Баку соединили и связали в единый органический процесс все то, что опреде-

⁴⁹ Альтман М.С., ук.соч.,с.314.

ляло жизненные впечатления и духовный опыт К.М. Благодарная память сохраняла образы этих учителей, которые не только ввели в науку, но и дали первые жизненные ориентиры, определили направленность интересов, соединили с новой духовной средой, обогатили новыми жизненными впечатлениями. Если Азербайджанский (Бакинский) университет и его духовная среда, во многом обязанная энергии и присутствию Вячеслава Ивановича Иванова, открыли для К.М. огромную интеллектуальную ценность античной, русской и западноевропейской культуры, направили интерес К.М. и её творческое мышление в сторону истории и культуры Древней Греции, дали ей первый опыт философской, литературной и научно-исследовательской деятельности, то Государственная Академия истории материальной культуры, её духовная среда, многим обязанная энергии и усилиям Николая Яковлевича Марра, углубила и закрепила уже сложившийся у К.М. интерес, определила и направила творческое развитие, создала условия для дальнейшего интенсивного роста творческих способностей, дальнейшего совершенствования технологий научно-исследовательской деятельности, формирования особого углублённого интереса к архаическим формам культуры Древней Греции и генетическим проблемам античной истории, воспитала высокую требовательность к точности и строгой доказуемости в исследованиях.

Главное отличие Н.Я.Марра от В.И.Иванова заключалось в том, что В.И.Иванов был классический гуманист, погружавшийся в мир античной культуры, находя в нём вдохновение от суеты и внешней реальности, действительного повседневного мира. Он обожал старину и любил прогулки по страницам античной, классической западноевропейской и русской поэзии и прозы. Н.Я.Марр, наоборот, был весь обращен в грядущее, видел возможности слияния множества языков в один богатый язык, который впитал бы в себя все красоты региональных особенностей. Прошлое для него существовало лишь как стартовая площадка для развития, разветвления, а затем сближения и слияния языковых систем. В.И.Иванов был обращен в прошлое, Н.Я.Марр – в будущее.

